

УДК 947.084.631

Ю. В. Кривошеев

**«...Я НИКОГДА НЕ БРАЛ НА СЕБЯ
ФАЛЬШИВОЙ РОЛИ ПОКЛОННИКА СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ»
(А. И. Яковлев на следствии по «Академическому делу»)**

Статья основана на материалах следственного так называемого «Академического дела», которые вводятся в научный оборот впервые. Публикуются показания известного русского ученого, историка А. И. Яковлева, отличавшегося широтой и самостоятельностью своих взглядов и оценок как в отношении исторического процесса, так и современности. Его свидетельства являются важным документом для понимания настроений отечественной интеллигенции 1920–1930-х годов.

А. И. Яковлев; «Академическое дело» 1929–1931 годов; интеллигенция

Алексей Иванович Яковлев (1878–1951) — известный русский советский историк¹, автор фундаментальных работ по истории России, в основном посвященных проблемам социальной и социально-экономической истории. Имя в ученом мире он приобрел еще в досоветское время изданием таких трудов, как «Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства» (1916), «Приказ сбора ратных людей» (1917).

В 1917 году он стал известен и как общественный деятель — создатель обширной программы обеспечения наделами крестьян². Пропагандируя программу, он знакомится с членами Временного правительства, российским генералитетом (например, с Л. Г. Корниловым³), а после Октября и с большевистской элитой⁴, в том числе с В. И. Ульяновым-Лениным⁵. С 1923 года вплоть до своего ареста, наряду с продолжением работы в библиотеке Румянцевского музея, занимал должность главного библиотекаря Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), проводя огромную работу по совершенствованию производственных библиотек в разных регионах страны.

¹ См.: Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина : моногр. М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. 325 с.

² См.: Кривошеев Ю. В. Историк А. И. Яковлев и его проект земельной реформы (по материалам Архива УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области и другим источникам) // Вестник Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. 2018. № 4 (20). С. 12–26.

³ См.: Доклад Чрезвычайной комиссии об итогах следствия по делу о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918. Документы : в 2 т. / под ред. Г. Н. Севостьянова. Т. 1. М. : Материк : Междунар. фонд «Демократия», 2003. С. 144–342 ; Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века. С. 194–195 ; Кривошеев Ю. В. Историк А. И. Яковлев и царские генералы (А. А. Брусилов, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин) // Вопросы истории. 2019. № 1. С. 96–108.

⁴ См.: Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. П-65245. Д. в 18 т. Т. 9. Л. 43–43 об.

⁵ См. там же. Л. 106–106 об. С В. И. Лениным и семьей Ульяновых А. И. Яковлев был знаком намного раньше и поддерживал отношения на протяжении всей жизни. (См.: Яковлев А. И. Четыре встречи с В. И. Лениным // Исторический журнал. 1944. № 1–2. С. 160–163 ; Кривошеев Ю. В. Историк А. И. Яковлев и революционер В. И. Ульянов (по материалам Архива ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и воспоминаниям) // Новейшая история России. 2018. Т. 2, № 8. С. 410–423 ; Его же. Алексей Яковлев и Дмитрий Ульянов (из истории семей Яковлевых и Ульяновых) // Там же. 2019. Т. 9, № 3. С. 660–670 ; Его же. Яковлевы и Ульяновы // В. И. Ленин. История. Культура. Современность. Нижний Новгород, 2019. С. 4–8).

Член-корреспондент АН СССР А. И. Яковлев был арестован 12 августа 1930 года. В архиве Управления Федеральной службы безопасности по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области сохранились протоколы допросов, а также многочисленные дополнительные показания, написанные рукой самого А. И. Яковлева⁶.

Надо сказать, что следственные показания А. И. Яковлева расходятся с известными нам по этому же следственному делу показаниями академиков С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле⁷. По нашему мнению, это обусловлено, во-первых, тем, что он имел широкий круг знакомств прежде всего в политической сфере, а во-вторых, не характерной для других подследственных искренностью своих показаний.

Один из последних протоколов содержит довольно пространные показания А. И. Яковлева относительно отношения интеллигенции к советской власти и о положении в стране.

Ученый, всегда отличавшийся широтой и самостоятельностью своих взглядов и оценок не только в отношении исторического процесса, но и современности, предлагает целую классификацию «политических настроений московской (или даже всероссийской!) интеллигенции»⁸.

Нам представляется, что эти показания А. И. Яковлева являются немаловажным документом для понимания настроений в академической среде (а возможно, и шире) того времени. Приводим его полностью.

«1930-11-5

Гр[ажданину] следователю Стромину⁹

В дополнение моих предыдущих показаний о настроении московской интеллигенции вообще и моих лично сообщаю нижеследующее.

(1) Политические настроения московской (или даже всероссийской!) интеллигенции позволяют разделить ее на три отчетливые группы, из которых первые две сравнительно малочисленны, а третья включает в себя всю ее основную массу: 1) неприемлющих советского порядка, 2) приемлющих его и 3) безразличных, т. е. смотрящих на советский, как и на всякий другой, порядок с точки зрения только возможности использовать данные конкретные условия в своих узких интересах, не внося в отношения к нему никакого принципиального мотива. Ввиду того, что эта третья группа преобладает, но настроения ее безформенны, оставляю ее сейчас в стороне, а остановлюсь только на двух первых.

1) Разряд неприемлющих советского порядка — явление, с каждым днем все более исчезающее. Из некогда значительного¹⁰ (1917–1920 гг.) ядра теперь уцелели только остатки, но они налицо, и с ними приходится и встречаться, и считаться, в некоторых отношениях их настроения даже заострились. Политическая психология их в собирательной характеристике приблизительно такова: в проклятой стране советской власти глаз остановить не на чем, все здесь идет хуже и хуже, а скоро жизнь остановится и целиком. Чтобы ни случилось плохого¹¹, все приписывается этому порядку (как раньше русский¹² либерализм все приписывал самодержавию) — и неурожай, и вздорожание жизни, и отсутствие дров на рынке, и т. д. Если бы можно было, не рискуя сойти за помешанного, то советская власть была бы обвинена и в землетрясении в Японии, и в китайской чуме, и в американском крахе 1929 г. Отсюда и заключения: пусть Россия будет завоевана, разбита, разделена, только бы кончился этот порядок. «Пусть хоть черт, да не тот», как говорили в Древней Руси. Отсюда и настроения: при каждом известии о склоке в партии эти люди приговаривают: «рыба с головы тухнет» и т. д. При всякой неудаче советского порядка — злорадное чувство, что где-нибудь и в чем-нибудь да «им» не повезло.

Около этого настроения много разных идеологических узоров вроде одной ходячей теории, что советский порядок есть просто концентрация злой мировой воли, воплощение ада, что люди и идеи здесь только орудия потусторонней силы. Другая теория, что советский порядок есть лишь

⁶ См.: Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Л. 1–108.

⁷ См.: Академическое дело 1929–1931 гг. : документы и материалы / отв. ред. В. П. Леонов. Вып. 1. СПб. : БАН, 1993 ; Вып. 2 : в 2 ч. СПб., 1998 ; Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 9 : в 3 ч. Ч. 3 : Обвинение. Приговор. Реабилитация. СПб., 2015.

⁸ Архив УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Л. 98.

⁹ А. Р. Стромин (1902–1939) — в органах [ВЧК–ОГПУ–НКВД](#) с 1920 г. Военной коллегией Верховного суда СССР в 1939 г. был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

¹⁰ Слово «значительного» вставлено над строкой.

¹¹ Слово «плохого» вставлено над строкой.

¹² Слово «русский» вставлено над строкой.

замаскированная контрреволюционная организация, старое охранное отделение, которое имеет задачей искусно загнать Революцию в тупик, сорвать каждое ее достижение и перессорить ее со всеми, с кем только можно. Патологический стиль этих теорий достаточно показателен для характеристики ¹³ указанных настроений. Для некоторых представителей этого настроения несносна самая мысль о какой бы то ни было связи с советской властью, и они последовательно предпочитают голодать, лишь бы только не иметь живых связующих отношений с ¹⁴ ней ¹⁵. Другие, наоборот, пользуются от советской власти всем, чем только можно, и деньгами, и властью, и внешним почетом, тая внутри себя безнадежно непримиримое настроение, основанное на традиции, голосе крови, обманутых расчетах, претензиях и [неразб. — Ю. К.]

(2) Разряд «приемлющих» советскую власть, внутренне с ней сросшихся, очень обширен, и с каждым годом круг этот все ширится и нарастал. Одни приняли новый порядок, т[ак] с[казать] «нутром», сразу, с момента его водворения, разделяли с первого дня радости и горести борьбы за него, помогли его укреплению и оформлению. Другие из числа «приемлющих» пришли иначе — путем более или менее длительной эволюции и глубоких переживаний. Оттолкнутые сначала водворением советской власти путем силы (чаще всего здесь ¹⁶ играл роль именно этот мотив расхождения ¹⁷), они чувствовали себя задетыми в своем государственно-правовом понимании дела, в уважении к правовому началу, которое, как им казалось, должно быть положено в основу общежития, как о том учила эволюция западно-европейских коммунистических государств. Очень часто личные интересы этих лиц не были прямо задеты фактом водворения советской власти, но их задевало отсутствие правовой или народно-волевой санкции этого факта со стороны населения. И надо было вжиться в этот порядок, чтобы понять его.

К этому последнему разряду «приемлющих» или «принявших» причислю себя и я.

(3) Я уже излагал в своих сентябрьских показаниях, что мое отношение к советской власти определилось в первые же месяцы по ее водворении в виде готовности лояльно служить новому порядку в той культурной области (кафедра и библиотека), которая была моим жизненным делом. Это свое отношение я ни в чем не менял и против него не погрешил в течение всех последующих 13 лет, хотя считал себя вправе тогда и считаю себя вправе сейчас иметь по каждому интересующему меня вопросу свое независимое мнение и в частной беседе, особенно в своем академическом кругу, позволять себе высказывать и защищать свои взгляды независимо от того, признаны они официально верными или нет.

Но той внутренней безоговорочной приверженности к советскому порядку, о котором я говорил выше, я в себе не чувствовал. Довольно скоро я понял, что советский строй есть не что иное, как первоначальная форма русской демократии, проявление народной тенденции стать на свои ноги и жить своим умом, но внутренне я не мог долго примириться с отсутствием под ним того, что мы называем правовой базой и народной санкцией. Скажу решительно, что я этого и не скрывал ни от кого. Так, мне в силу личных отношений пришлось высказать это на словах и в самой твердой форме самому В. И. Ленину в присутствии В. Д. Бонч-Бруевича и др. Больше того, специально по школьному делу мною совместно с моим отцом был представлен ему обширный меморандум, им пересланный М. Н. Покровскому. Но большой человек и ¹⁸ отнесся к этому открытому разногласию «по-большому», не изменив своего отношения ко мне. М. Н. Покровскому при первой же личной встрече с ним в апреле 1918 г. я открыто заявил, что я «лояльно буду служить советской власти, но совсем не причисляю себя к поклонникам ее», на что он мне заметил: «я это знаю», и в течение всех последующих 12 лет не только не изменил своего доброжелательного отношения к моей работе, но даже с годами (хотя я лично не разуверял его, предоставив за себя говорить фактам) стал давать обо мне отзывы как о человеке, преданном советскому делу. Наконец столь же открыто и нестеснительно я говорил о своей политической позиции в первые годы (1917–1920) и Анне Ильиничне Елизаровой, доказывая ей то, что считал тогда органически ошибочным в постановке и тенденциях советской власти, как-то: хлебная монополия, отсутствие свободы печати и т. д. Но и в этом случае я этим принципиальным столкновением мнений не подрывал отношений личных.

¹³ Слово «этих» зачеркнуто А. И. Яковлевым.

¹⁴ Слово «властью» зачеркнуто А. И. Яковлевым.

¹⁵ Слово «ней» вписано над строкой.

¹⁶ Слово «здесь» вставлено над строкой.

¹⁷ Слово «расхождения» вставлено над строкой.

¹⁸ Союз «и» вынесен над строкой.

Итак, я никогда не брал на себя фальшивой роли поклонника советской системы по внутренним побуждениям и органическим моим взглядам, хотя внешне всегда и работал с безусловной лояльностью и деловой преданностью, что может подтвердить масса людей (смотри мои пространные сентябрьские показания), с которыми я работал.

Но мое формально-лояльное отношение к делу стало, по мере того как я втягивался в советские условия и в них все крепче вращались мои дети и вся моя семья, переходить во внутреннюю крепкую связь, особенно за последние 5 лет (1925–1930 гг.), когда на работе в библиотеке ВСНХ я нашел дело как раз по моим вкусам и силам, а то доверие, которым я был сразу же облечен на этой работе, дало мне бодрую веру в то, что я нужен и полезен в мощной системе советского строительства. Я проработал эти последние 5 лет так, что чувствую себя удовлетворенным достигнутыми результатами — отзывы обо мне следственная власть имеет. В итоге этих 13 лет я пришел к тому, с чего многие сразу начали, — к внутреннему признанию начал советской демократии.

Но и опять скажу напрямик, что считаю за собой право и иметь по всем вопросам свое собственное независимое мнение и выражать его, если не публично, то во всяком случае гласно в своей ученой среде: от этих двух основных прав ученого-исследователя я не хочу и не могу отказаться. В частности, я по-своему понимаю ход эволюции землевладения, по-своему оцениваю результаты и достижения его и полагаю, что наше советское строительство только выиграет, если в нем будут представлены разные точки зрения. Быть может, живые наблюдения переубедят меня в том и докажут мне ¹⁹, что то типичное явление ²⁰ сегодня я понимаю неверно, а завтра пойму в настоящем смысле, но, пока у меня есть то или иное понимание дела, считаю себя не только вправе, но и обязанным защищать его, что именно этим путем иду к его проверке.

А. Яковлев».

(П-65245. Д. в 18 т. Т. 9. Л. 98–101 об.) ²¹

По «Академическому делу» А. И. Яковлев, как и его коллеги, был осужден. Пятилетнюю ссылку он должен был отбывать в Минусинске, «считая срок с 8/8 — 30 г.» ²². Согласно «ходатайству о помиловании», 7 апреля 1933 года ему было разрешено «свободное проживание по Союзу ССР» ²³.

Вернувшись в Москву, продолжил активную творческую жизнь. С 1938 года стал работать в Институте истории АН СССР. Публиковал источники. Писал актуальные книги и статьи, подвергавшиеся нещадной критике политических и научных оппонентов. Фундаментальный труд А. И. Яковлева «Холопы и холопство в Московском государстве XVII в.», изданный в 1943 году, получил Сталинскую премию, но был раскритикован специалистами. Участвовал в острых научно-исторических дискуссиях. Умер в Москве 30 июня 1951 года.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академическое дело 1929–1931 гг. : документы и материалы / отв. ред. В. П. Леонов. — Вып. 1. — СПб., 1993 ; Вып. 2 : в 2 ч. — СПб., 1998 ; Вып. 9 : в 3 ч. — Ч. 3 : Обвинение. Приговор. Реабилитация. — СПб., 2015.

2. Доклад Чрезвычайной комиссии об итогах следствия по делу о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918 : документы : в 2 т. / под ред. Г. Н. Севостьянова. — Т. 1. — М. : Материк : Междунар. фонд «Демократия», 2003.

3. Кривошеев Ю. В. Историк А. И. Яковлев и революционер В. И. Ульянов (по материалам Архива УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и воспоминаниям) // Новейшая история России. — 2018. — Т. 2, № 8. — С. 410–423.

¹⁹ Слова «докажут мне» вынесены над строкой.

²⁰ Слова «то типичное явление» вынесены над строкой.

²¹ Подлинник; рукопись фиолетовыми чернилами почерком А. И. Яковлева; с полями; подпись подлинная. Л. 96–97 об. Копия; машинопись; на л. 99 абзац со слов «(2) Разряд «приемлющих»...» до слов «западно-европейских конституционных государств» слева отчеркнут синим карандашом вертикальной линией; тот же абзац со слов «Другие из числа «приемлющих»» до слов «этот мотив расхождения» подчеркнут синим карандашом; на л. 100 абзац со слов «(3) Я уже излагал» до слов «в той культурной области» слева отчеркнут синим карандашом вертикальной линией.

²² Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 9. Ч. 1. С. 366.

²³ Там же. С. 388.

4. Кривошеев Ю. В. Историк А. И. Яковлев и его проект земельной реформы (по материалам Архива УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области и другим источникам) // Вестник Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. — 2018. — № 4 (20). — С. 12–26.
5. Кривошеев Ю. В. Историк А. И. Яковлев и царские генералы (А. А. Брусилов, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин) // Вопросы истории. — 2019. — № 1. — С. 96–108.
6. Кривошеев Ю. В. Алексей Яковлев и Дмитрий Ульянов (из истории семей Яковлевых и Ульяновых) // Новейшая история России. — 2019. — Т. 9, № 3. — С. 660–670.
7. Кривошеев Ю. В. Яковлевы и Ульяновы // В. И. Ленин. История. Культура. Современность. — Нижний Новгород, 2019. — С. 4–8.
8. Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. — 325 с.
9. Яковлев А. И. Четыре встречи с В. И. Лениным // Исторический журнал. — 1944. — № 1–2. — С. 160–163.

Сведения об авторе

Кривошеев Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета.

Сфера научных интересов: отечественная история.

Контактная информация: электронный адрес: kriwosheew@mail.ru

Yu. V. Krivosheev

“I HAVE NEVER PRETENDED TO ADMIRE THE SOVIET SYSTEM”

(A. I. Yakovlev and the Case of the Academicians)

The article investigates previously unresearched materials related to the case of the academicians. It presents testimony given by a renowned Russian historian A. I. Yakovlev, who was known for his profound knowledge, independent judgments and assessments of historical processes and contemporary events. A. I. Yakovlev’s testimony is an important document that ensures better understanding of Russian intelligentsia of the 1920s–1930s.

A. I. Yakovlev; the case of the academicians, 1929–1931; intelligentsia

REFERENCES

1. Leonov V. P. (ed.). *Akademicheskoe delo 1929–1931 gody* [The Case of the Academicians, 1929–1931]. St. Petersburg, 1993, iss. 1; St. Petersburg, 1998, iss. 2: in 2 parts; St. Petersburg, 2015, iss. 9: in 3 parts, part 3: Accusation. Sentencing. Rehabilitation. (In Russian).
2. Report Prepared by the Emergency Commission on the Results of the Investigation of the Case of the Former Supreme Commander-in-Chief L. G. Kornilov and his Accomplices. Sevost'janov G. N. (ed.). *Delo generala L. G. Kornilova. Avgust 1917 — ijun' 1918: dokumenty: v 2 tomah* [The Case of General L. G. Kornilov. August 1917 — June 1918: Documents: in 2 vols.]. Moscow, Continent Publ., International Foundation for Democracy Publ., 2003, vol. 1. (In Russian).
3. Krivosheev Ju. V. Historian A. I. Yakovlev and Revolutionary V. I. Ulyanov (Based on Memoirs and Materials of the Archive of the Federal Security Service in St. Petersburg and the Leningrad Region). *Novejshaja istorija Rossii* [Contemporary History of Russia]. 2018, vol. 2, no. 8, pp. 410–423. (In Russian).
4. Krivosheev Ju. V. Historian A. I. Yakovlev and his Project of Land Reform (Based on Memoirs and Materials of the Archive of the Federal Security Service in St. Petersburg and the Leningrad Region). *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. G. i N. G. Stoletovyh* [Bulletin of Vladimir State University named for A. G. and N. G. Stoletovs]. 2018, no. 4 (20), pp. 12–26. (In Russian).
5. Krivosheev Ju. V. Historian A. I. Yakovlev and the Tsar’s Generals (A. A. Brusilov, L. G. Kornilov, A. I. Denikin). *Voprosy istorii* [Issues of History]. 2019, no. 1, pp. 96–108. (In Russian).
6. Krivosheev Ju. V. Alexey Yakovlev and Dmitry Ulyanov (the History of the Yakovlevs and the Ulyanovs). *Novejshaja istorija Rossii* [Contemporary History of Russia]. 2019, vol. 9, no. 3, pp. 660–670. (In Russian).
7. Krivosheev Ju. V. The Yakovlevs and the Ulyanovs. *V. I. Lenin. Istorija. Kul'tura. Sovremennost'* [V. I. Lenin. History. Culture. Modernity]. Nizhny Novgorod, 2019, pp. 4–8. (In Russian).

8. Tihonov V. V. *Moskovskaja istoricheskaja shkola v pervoj polovine XX veka. Nauchnoe tvorcestvo Ju. V. Got'e, S. B. Veselovskogo, A. I. Jakovleva i S. V. Bahrushina* [Moscow History School in the First Half of the 20th Century. Yu. V. Gauthier's, S. B. Veselovsky's, A. I. Yakovlev's, and S. V. Bakhrushin's Works]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2012, 325 p. (In Russian). (In Russian).

9. Jakovlev A. I. Four Meetings with V. I. Lenin. *Istoricheskij zhurnal* [Historical Journal]. 1944, no. 1–2, pp. 160–163. (In Russian).

Information about the author

Krivosheyev Yury Vladimirovich — Doctor of History, Professor, Head of the Department of Historical Regional Studies at St. Petersburg State University.

Research interests: Russian history.

Contact information: e-mail: kriwosheew@mail.ru

Поступила в редакцию 11.11.2019

Received 11.11.2019